

DOI: 10.15643/libartrus-2021.3.1

Философия кризиса: новый век – начало непонятной жизни

© В. В. Ильин

*Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт»
Россия, 132182 г. Москва, площадь Академика Курчатова, 1.*

Email: vvilin@yandex.ru

Статья продолжает серию публикаций, объединенных общим замыслом прояснить природу переживаемой человечеством эпохи кризисных перемен. Характер современной «ненормальности» связывается с актуализацией крайне деструктивных мегатенденций текущей жизни, идентифицируемых как мегаинволюционные фазовые провалы, обусловленные: 1) скованностью опыта держания в новом социуме сверхриска; 2) истончением источников смысла – разрушением жизнеобразующих ценностей; 3) утратой солидарной среды обитания – распадом согласности вовлечения и участия в осуществлении родового призвания. С паушальным эффектом: свертыванием человеческих контактов, ростом закрытости, упрочением специфического постгуманизма с атрибутивной ему постгуманитарностью.

Ключевые слова: *современность, человечество, жизнь, постгуманизм.*

Бывшая современность – не то, что нынешняя. О своей современности, очерчивая предопределяемое ею грядущее, высказывали Гегель («Болезнь нашего времени»); Кьеркегор («Критика современности»); Блок («Страдания современной души»); Г. Манн («Обзор века»); Сартр («Ситуации»); Симона де Бовуар («Лицо века»); Барт («Панорама столетия») и др.

Высказывали, употребляя фигуру Шваба – Моллере, с позиций складывания предощущаемой «новой нормальности», – обрабатываемая рефлексией всякая современность сама собой, через себя высвечивает жизненный путь двумя капитальными смыслообразами:

- «ада – рая» – пограничные судьбические состояния, являющиеся описаниями символических мест [50, с. 418];
- «идеала – истины» – символические магистрали самоутверждения по большей части в «да» нежели «нет»;
- смыслообразами, позволяющими во внятном сочетании «света – тени» преодолевать години искушения, осуществлять «возрастание к гуманизму» (Гердер); как говорили древние, живя смертью людей, умирать жизнью богов.

К несчастью, все смешалось в современности нынешней, представляющей кладезь бездны.

В первой квинтили открывающего новое тысячелетие едва начавшегося XXI столетия мы вынуждены довольствоваться пренеприятнейшей констатацией: существование человеческое – великое точило гнева божия. Прямой ектеньи востребует разрешение удручающего оформления беспрецедентно ущербной ситуации (с коей совместимы исключительно тревожные эмоциональные реакции), вызванной утверждением широкой среды конфликтного существования, системного неустроя, – передаваемого понятием неведомой пережитым современностям наведенной ненормальности.

И в прежних современностях чуткое самосознание человечества в лице философского, литературного процесса улавливало катастрофические разрывы сущности и существования, лица и мира, но так или иначе намечало панацею преодоления несообразий перманентной рационализацией миродействия.

Главное – не намерения, – потенциал. Потенциал разумоцентричной цивилизации [13], наращаясь от современности к современности, играл роль не «истории дела», но «самого дела» (Гегель), – высокого жизнеустроительного искусства, – неисчерпаемого источника совершенствования общечеловеческого живого опыта.

Обмирщение «наилучшей» из возможностей, однако, выдохлось; обанкротилась перспектива рационально расчисляемого «светлого будущего».

Во-первых, выказала близорукость гиперболизация «разумной природы» сапиента: далеко не всегда, заявляя «бытие-вперед-самого-себя» (хайдеггеровское *sich-selbst-wegsein*), человек поступает рационально. Последнее составляло сюжет размышлений Шопенгауэра, Достоевского, Ницше, Фрейда, их последователей, подчеркивавших парадоксалистскую статью homo. Адресуемся лишь к соображениям автора «Записок из подполья»: «рассудок (*ratio*. – **В. И.**) вещь хорошая, но рассудок есть только рассудок и удовлетворяет только рассудочные способности... а хотение (воля, влечение, побуждение, склонность и т.д. – **В. И.**) есть проявление всей жизни, и с рассудком, и со всеми почесываниями (! – **В. И.**)» [6, с. 115]. От переизбытка *ratio* укрупнилась тенденция жизнепонижения *ratio*; тот же Ницше именовал «тело» «великим разумом» [24, с. 29].

Во-вторых, человек перестал сознавать свое место во Вселенной; с фикс-пункта «хаос пандемии» «договор» мира с человеком окончательно расторгнут [2, с. 218] с inferнальным исходом: вступлением в эру дезорганизации, полосу неизвестности, чуждости, взаимоподозрительности, непредсказуемых испытаний. На фоне сказанного легковесен сценарий достижения коллективного благополучия в постковидной реальности на путях справедливости, безопасности, устойчивости [49].

Скороспелая свержиллюзия: здесь именно тот случай, который развенчивает способность быть «дельным человеком и думать о красе ногтей» (Пушкин), – ни одна из составляющих не воплотима. Коллективное благополучие перестает быть рационально очерчиваемым вождением – предметом калькулируемой процедуры.

Засим – конец предсказуемости, обеспеченности, надежности; – говоря слогом Бубера, человечество покидает эпоху обустроенности, входит во время бездомности. Как жить в диком поле?

Если кризис *ratio* – содержание нашей современности, прерывающей попустительством в отношении ультрарациональной сверхорганизации жизни, не лишне озаботиться выяснением, – как времена предшествующие справлялись с разрешением аутентичных коллизий.

Используя сартровское различие бытия «для-себя» и «в-себе», скажем так. В формате «бытие-для-себя» неоправданная рационализация (жизнеотталкивающий рационализм) преодолевалась разработкой сентиментализма – апологией «чувствования» как существенного в самостоянии человека, уравнивающего «ума холодных наблюдений» – «сердца горестных замет». XVIII век потому расценивался если не веком отрицания, то, по крайней мере, веком начала проблематизации рационализма, создавшим предпосылки укрощения рационализма гуманизмом.

Между тем реставрировать опыт сентиментализма в наше время возможным не представляется. По той простой причине, что испытания живущих на Земле обрели вид страдания от спровоцированной рационализмом тотальной дегуманизации существования. Отсутствует спасение в фактически утраченном; как отмечала Раневская, конец света наступил, но мы его не заметили.

В формате «бытие-в-себе» возрастание опасного, грозящего взорвать изнутри контур давления в приближенных к нам современностях связывалось с купированием довольно сложных моментов общечеловеческой истории – таких, как духовная инфляция (Юнг); дереализация (Кьеркегор); утрата самости в омассовлении (Ортега, Рисмен, Миллс, Маркузе); дисгармонизация (Фрейд), дегуманизация (Фромм), стандартизация (Гелен) существования; проблематизация человечности (Шелер); денонсация ценностей культуры (Хоркхаймер, Адорно); стертость лица, обезличение (Ясперс, Хайдеггер – «man»; Сартр «on»; Марсель «lui»); крах подлинности («бытие-с», совместное бытие – Mitsein – Хайдеггер); ускользание сущего (превращение его в серию факультативных явлений – Сартр); отчуждение человека от его творений (Бубер); затмение святости (Бубер); эскапизм (Парк, Кланфер).

У каждой современности, намечаемого ею темпорального интервала – своя забота, – «достаточно трудностей, тревожиться о себе...» [18, с. 123]. Превозмогая тревогу, каждая бывшая современность, сцепленное с ней поколение, решали собственную локальную антикризисную задачу, не требующую сверхдейственных усилий, дабы пытаться «быть всем» для всего человечества.

Ситуация кардинально изменилась. Кризис нашей современности показал неспособность живущего человечества определять свои действия, свою судьбу.

Итожа капитальные потрясения прошлого, Кьеркегор подчеркивал: худшая из опасностей – потеря своего «Я» [18, с. 309]. Потрясение настоящего гораздо опасней: человечество потеряло не только «Я», но и «Я» в сущем.

Бесспорно: утрата «Я» болезненна, вирулентна. Однако же не фатальна: с течением времени выправляется мужанием, личностным ростом. Утрата же «Я» как имманентного контента гуманизируемого сущего – фатальна, – препятствует становлению самого себя, погружает в прострацию тотального отчаяния.

Отчаяние как частное самочувствие – следствие сбивки игры внутренних сил – было всегда, но никогда не универсализировалось.

Нынешняя ситуация характеризует небывалый модус вселенской значимости, передаваемый библейской формулой «страх и трепет», где отчаяние заполняет все пространство жизни: связывая полноту устремлений человечности, отчаяние разрушает субстанциальные опоры прогрессирования «Я», лишает его перспектив саморазвития.

Накал трагизма безутешен: отчаяние парализует волю, отбирает надежду на вовлечение, участие ставного арсенала homo:

- разума: на фоне исконной и приобретенной неразумности мира рычаг стандартного «оразумления» утрачивает стратегическую силу канона вершения истории, пролонгации существования;
- духа: отработанная санация бытовавших трудностей изоощренными технологиями «реформы – революции – релаксации» более не нормализует сбой мировых линий «социума», «лица», «лица в социуме»;

- тела: остов всех жизнеутвердительных процессов *corpus solidum* – плоть, – открепившись от человека, зажила собственным почином «болезнью к смерти», демонстрируя вездесущность автономного хотения, – тем самым отвергая бодрящее

Хотеть, это дело тел,
А мы друг для друга – души.
(М. Цветаева)

Финальное ударное соображение высказанного – безысходность, определяющая положение человечности *inter* «обреченность» *et inter* «пораженность». *In sensu eminentiori* – по накалу трагизма содержание нашей эпохи – беспрецедентно: это – не только кризис *ratio*, но и кризис цивилизационного самостояния, осознаваемый как всеобщность отчаяния – явное понимание невыполнимости генерального родового призвания.

Ошибается Кьеркегор, полагая отчаяние правилом жизни [18, с. 304]; представляя досадное, вопиющее недоразумение, отчаяние не может быть жизненным правилом; применительно к доковидным эпохам оно сигнализирует завершение относительно беззаботной, довольной, гарантийной жизни. Предел последней усиливает самоощущение чуждости мира: «все в нем – не наше».

Прощание с «нашим» онтологическим и антропологическим прошлым ассистирует прощание с классической метафизикой.

Традиционное метасознание озабочивалось проблематикой: как возможна метафизика (Кант), как возможно без метафизики (Гуссерль); нетрадиционное метасознание нашего времени озабочивается проблематикой: как возможно с такой метафизикой, – именно: оставляющей без ответа, что стоит разумность «Я» в соприкосновении с неразумностью «не – Я».

С утратой персонального «ощущения всебытия» (Бунин) из взаимодействия таким разрядом вводимых субстанций (вопреки Фихте) никакой утвердительной метафизики не вывести. Кризис жизни, следовательно, осложняется кризисом философии жизни.

Констатаций достаточно, дабы вывести: никакими рецептами исцеления человечества ни цивилизация, ни ее философское (метафизическое) ядро не располагает. Не принимая в расчет партикулярные «спасительные» платформы избавления от «смертельной болезни» в терминах

- профессиональных: страдает вся полнота популяции, а не адепты отдельных вер (ср.: кьеркегоровская, буберовская идея хриstopриятия);
- темпоральных: рвется времен связующая нить – радикализируется противостояние текущей современности не тому, что некогда было, но бывшему всему (ср.: аполлинеровская идея «ты от старого мира устал»; – «Ты», «Я» устали не от старого – от самого мира!).

Отчаяние усугубляется подавленностью, надрывностью, беспокойством, тоской – в отношении как необретенного будущего, так и невозвратного прошлого. Одно ушло, другое не пришло (придет ли?). Остается грустное настоящее – смесь *досады* конца многообещавшего

О, двадцатый хрусталик веков!
Птицей став, этот век, как Христос, ввысь взлетает, не зная оков.
(Аполлинер)

но несбывшегося; и *боязни* начала осуществляющегося. В комбинации с активной злостью, яростным возмущением: современность наша – бесполетное время – лететь некуда; мы пока

не живем – ждем; ожидание – сюрреалистическая подкладка переживаемого «бытия-к-неизвестности», осознаваемого диковинными средствами (о чем не помышляли ни Гоголь, ни Гессе, писавшие о сумасшедших, для сумасшедших, ни исполнявший Манифест абсолютного сумасшествия Аполлинер) опустошенного разочарования: мы знаем цену всему, но ничего не ценим.

Патогенное влияние отдельных провалов социально-исторического развития (пороки того же индустриализма, урбанизма, техницизма, элитизма и т.д.) на антропную организацию профессионально выверенно обсуждалось ранее [42, 43], теперь мы наблюдаем многозначительную инверсию: деформированная антропная организация патогенно связывает перспективы социально-исторического развития.

Поставлен под сомнение прогрессизм как естественная мотивационная телеология общечеловеческого процесса. Все восстает, все противится родовой истории: уценке подлежат самые основы *Rex Dei*: бог – разум – вера; человек перестает быть сакральным проектом. Мы стали жертвой самих себя; жив в нас Иуда: мы сами себя предаем, истязаем.

Corruptio optimi pessima: порча наилучшего – наихудшая; человечество сбилось с пути (применительно к человечеству когда-либо уточнялось ли «дао?»), – буквально за год лишенный превратившись в «суверенный сброд» (Шопенгауэр), вступило на проселок прощания с удобным прошлым.

Конечный дух есть бесконечное «утверждение самого себя» [4, с. 21], – наш утративший самодостаточность конечный дух бесконечно самоутверждается под фирмой героя «безгеройного времени» [30], принимая руководством к действию: я был, меня почти нет.

Можно ли обижаться? И на кого? – Судьба, Всевышний всегда правы.

Тем не менее любить жизнь «какая есть» в залоге *domum servavit, lanam fecit* растущей над собой, преодолевающей давление обстоятельств деятельной, имперфектной высшей сфере мироздания не пристало. Отсюда – философски оправданная озабоченность: конец нашего дня – какое начало дня грядущего собой готовит? Или иначе: что ожидает человечество на марше намечаемого нашей современностью рубежного перехода в историческом времени?

Избегая апокалиптики в духе наведенного фатализма «немое повиновение», в более менее сбалансированном языке упования обозначим некие инициированные текущей ситуацией направления развития, заинтересованная реакция на которые так или иначе предбудут решение стоящих перед человечеством судьбоносных задач.

Мегатренд: от бытия к ничто – актуально заявляемый ущербный тип инволюционного движения, выбивающийся из магистралей традиционного социально-исторического прогресса. Речь – о складывании неведомых прошлому существовательных ландшафтов, где человек как существо, порожденное «снизу», но посланное «сверху» [2, с. 535], погрязает в неразрывно раздольной связи с первым, дистанцируясь от второго. Словно признаваясь: я слишком велик для себя (аншлаг пьесы Ж. Сармана), – порывает с касательством надмирному, утрачивает субстанциальную принадлежность первоисточному духу, которая есть свобода [4, с. 25].

Не смерть страшна – механистичность жизни, – подчеркивает Лоуренс. Потеря свободы – дара божьего – предопределяет понижающийся противоход к круговороту самости [26, с. 134] в механистическом выхолощенном бытии, что для проективной имперфектной самовозрастающей интеллигенции (в смысле Фихте) – хуже смерти.

О смерти божеского в человеческом в разные времена по разным поводам высказывались Паскаль (Бог потерян); Гегель (Бог мертв), Ницше (Бог умер), – высказывали в контексте своих временных забот, далеких от забот времени нынешнего.

Переживаемое время навевает своеобразную редактуру извечной темы «смерть Бога» в терминах развенчания всех и всяких святых, банкротства высокого, что означает фронтальный провал в ничто, а с ним – полномасштабную антропологическую катастрофу.

Уместное обобщение сказанного позволяет сформулировать тезис: горько, но правда (аншлаг пьесы Б. Шоу), – современная антропная организация лишается связи с вечным; – констатация чего представляет открытую рану на теле философии, доселе исключавшей возможность некомпенсированного убывания, расточения человечности.

Переиначивая Хабермаса [45, с. 31–32], вступает в права философская парадигма Великого отказа, означающая все более укрепляющуюся установку, которая отражает опыт боязни свободы дерзания в новом обществе свехриска.

Точно – вопреки Чехову: «Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа» [37, с. 261]. Природа почти разорена; жизненный порыв почти иссяк; проявление свободного духа почти выдохлось. Наша современность – современность *sacrificium spiritus*.

Мегатренд: истончение источников смысла. «Торговля жизненными смыслами... самый конкурентоспособный из рынков», – отмечает Бауман [1, с. 51]. Особенность его (рынка) состоит в том, что в отношении купли-продажи в данном секторе духовного производства вовлечены поголовно все как всеобщие актуально-потенциальные производители-потребители конечной символической продукции.

«Во всей всемирной истории, – отмечает Фихте, – мы никогда не найдем чего-либо, помимо того, что... сами... вложили туда» [39, с. 39].

Дело касается, вероятно, и существа нашей истории, смысловая определенность которой задается интерпретативными способностями.

Богатство истолкований, как ни странно, конечно-счетно, ограничено кругом отнесения понятий совершенности жизни ко множеству референтных ценностей. В числе последних – организующие опыт разработки объемных исповедальных смыслов коллективной судьбы:

– вера. Проблемы персональной теофании некогда выстраданно обострял Достоевский: «Я дитя века, дитя неверия (! – **В. И.**) и сомнения (! – **В. И.**)... каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь жажда верить...» [5, с. 176]. Мы – дети нашего века – креатуры не только неверия, но и развенчивающего веру сомнения; мы не испытываем никакой жажды верить. Говоря образно, используя мысль Кафки, ворота веры широко открыты, но через них нам уже не пройти.

– интеллект. Чрезмерную интеллектуализацию как порок цивилизации прошлого века критиковал Шелер [48, с. 86]; по поводу формализации в той же тональности в том же контексте резко высказывался Хайдеггер. Неприятие интеллектуализма в наш век граничит с тенденцией деинтеллектуализации – примитивизации, элементаризации межсубъективных связей (возрастает процент автохтонов просвещенного гудленд, незаинтересованных в получении высшего образования); как подчеркивает Гартман, – «борьба против интеллектуализма кончается уничтожением интеллектуализма», торжеством неинтеллектуального высокомерия невежества [3, с. 478]. Грядет порочная девальвация познания как вида профессиональных занятий, возврат к «наивному» (в обход научной картины действительности) осознанию мира.

– мир. Своеобразную диастазу человеко-мира в прошлом веке фиксировал Сартр в терминах разлада «между... жаждой единения с миром и непреодолимым дуализмом разума и природы... порывом... к вечному и конечным характером существования... «беспокойством»... и тщетой всех... усилий» [27, с. 92–93].

В наш век пропасть «человек-мир» разверзается, мир, выказывая чуждость, будто бы демонстрирует своему разумному творению посторонность его судьбы ему самому.

– общество. Нет такой «вещи, как общество», – словно предрешая случившееся, в середине 80-х гг. прошлого столетия оракульствовала Тэтчер. Теперь общество заменилось правительством – правящим слоем, хищной бюрократической властью, с пугающей скоростью упраздняющей неавторитарное представительство.

– народ. В прошлом веке усилиями идеологов коммунизма народный интерес срачивался с интересом социалистическим. В соответственном утопическом духе витийствовал Ленин: «Социализм есть не что иное, как ближайший шаг от государственно-капиталистической монополии, или иначе: социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа (! – **В. И.**) и постольку переставшая быть капиталистической монополией» [19, с. 192].

Ничуть не бывало. Государственная монополия, не пройдя стадию вождельного перерождения, не обратилась на пользу «всего народа»; поменяв внешний облик, но не внутреннюю суть, стала не капиталистической, а олигархической. Отсюда и расхожая формула совершенного социального устройства: оно есть народная власть (демократия трудящихся) плюс электрификация всей страны, – подверглась инновационной (в ключе современных реалий) модификации: «совершенное» (в принятой ныне вариации) общество есть авторитарная власть плюс олигархизация всей страны.

– цивилизация. Антирепрессивную санацию цивилизации в предшествующем веке замысливал Маркузе [47], положительная платформа которого, заключающаяся в обуздании отвязного цивилизующего разума ресурсом «новой чувственности», высвобождением эроса оказывалась невнятной [41]. Правда состоит в неспособности человечества укротить репрессивную мощь цивилизационного техногнозисного постава, предотвратить перерождение цивилизации в антицивилизацию. (Перспектива человеко-размерной цивилизации – ведущая дума нашего времени.)

– популяция. У ответственного за «выведение» новой человеческой породы (*homo soveticus*) любимца партии Бухарчика век назад хватало ума отрезвлять: «...мы имеем историческую ответственность... за судьбы всего человечества... мы не производим экспериментов (! – **В. И.**), мы не вивисекторы, которые ради опыта ножиком режут живой организм...» [29, с. 8].

Развивая фаустову тему, от бездумного превращения человека в бесчувственную машину – «кибернетическую личность» – предостерегал Фромм [35]. Ничтоже сумняшеся, наш век решает проблему популяционной регуляции и трансформации, используя реквизит NBJCS [10], весьма селективный профилактический противоэпидемиологический подход в борьбе с пандемией в геополитическом картировании мероприятий по осям «бедленд-гудленд» [11, 12].

– природа. Технологии природопотребительства оттачиваются с неолитической революции – фазового перехода первого рода по развертыванию антропо-агрессивных хозяйственно-культурных типов. Апологии природопотребительства целенаправленно оттачиваются с

Нового времени. Ограничимся апелляцией к проникновенной тираде Фихте: «Я хочу быть господином природы, а она должна быть моим слугою; я хочу иметь соответствующее моей силе влияние на природу, но она не должна иметь никакого влияния на меня» [32, с. 25].

Оставляя за рамой высокомерное невнимание к очевидному факту: человек – порождение природы, – отметим лишь следующее: в части, касающейся человека, план перевыполнен; в части, касающейся природы, как теперь ясно, никакого безоглядного расточительства, мотовства спланировано быть не может; наше рубежное время кладет конец попустительству в расходе богатства среды обитания. Прямо по Сартру: природа текущего века все больше становится «пустотой», – лишенной реальности «дырой» на теле мироздания. Что требует коренной ревизии самого существа практикуемого человечеством (и в технологиях, и в апологиях) способа выстраивания отношений с естественной основой собственного существования.

– европеизм. «...надо надеяться, – уповает Ницше, – что Европа... произведет чистую расу и чистую культуру» [25, с. 235]. Подправление порождающей структуры источников смысла ставкой на проект вестерн (европеизм + атлантизм) ожиданий страждущих не оправдывает. Разные отсеки ойкумены истари выверяли аутентичное страновое движение по модернизационным схемам цивилизационно наиболее продвинутого Запада.

В свете текущих событий, однако, правильно руководствоваться дополнительной острасткой реализма. Как рекомендовал Брюсов:

Не надо несбыточных грез,
Не надо красивых утопий.
Мы старый решаем вопрос:
Кто мы в этой старой Европе?

Решение традиционного вопроса не влечет радужного ответа. Довольно принять во внимание блок аргументов.

- a) человек суть животное, «способное обещать» (Ницше). Относительно *mihi cura futuri* вестерн ничего не обещает – не дает вдохновительных ценностей жизни, – по высоте, глубине идеалов не превосходит ни себя, ни мир, – следовательно, не занимает позицию вероучительную;
- b) «сила привычки миллионов и десятков миллионов – самая страшная сила» [20, с. 271], – выводит Ленин. Страшная сила захватившая вестерн, – апатия – отстраненное потребительское довольство. Как говорил Брехт: «Кружка пива – и никаких высоких стремлений». Способна ли такая программа завораживать человечество?
- c) людоедский прогресс за счет всей полноты популяции;
- d) многие страны вестерна на пороге если не распада, то трудно снимаемой конфронтационности вследствие расовых, конфессиональных пикировок с аллохтонным инфильтратом [8, 9].

Сказанное жестко-мягко проблематизирует популярный тезис Франкла о всесилости человека как существа, стремящегося к выработке, установлению, потреблению смыслов; потворствие духу современного века – обесмысливающее модерни.

Мегатренд: девальвация человечности: утрата солидарной среды обитания. Природу в истории гнет прогресс; гнет он и человечность. Последнее усиливает сомнения по части линейности, поступательности совершенствования гуманитарного состояния цивилизации.

Мандевиль, Гольбах развертывали доктринацию, если так можно выразиться, «внешней» человечности, подчеркивали решающую роль в ее формировании качеств социальной среды,

общественных институтов. Хатчесон, Шефтсбери, Смит, Руссо в подобной тематизации упирали на черты «внутренней» человечности, акцентуировали решающую роль имманентного присутствия «садов и рощ» в нас.

Аналогично метаэстетические позиции утрируют разные типы мироощущения: приподнятость оптимизма, духовной жажды, мятежной мечты (романтизм); способность сопереживания, участливость самосознания, растрогательность умиленности, сочувственности, сострадательной единокровности (сентиментализм) и т.д.

Антропология прошлого крепилась на максимах

- Фейербаха: «человек одновременно и Я, и Ты; он может стать на место другого именно потому, что объектом его сознания служит не только его индивидуальность, но и его род, его сущность» [31, с. 31];
- Маркса: человек только там действует как человек, где «занят общественной деятельностью» [21, с. 118].

Скрепсы совместности, согласности вовлечения и участия, общности вершения дел коллективных упраздняются; антропология современности не выпускает наиважнейшего дыхания соразмерности единокровности – загадки человеческой прелести осуществления родовой миссии.

И точно: править бал начинает агрессивная самость, стертая индивидуальность, лишенная собственного почерка бездарная безликость, означающая понижение порога субъективно насыщенного общения.

Используя эвристический прием диалектического раздвоения единого на противоположное с рефлексивным просмотром результатов разбиения целого (существа гиперонимических комплексов), попытаемся вникнуть в извечное: «что может быть для человека занимательнее самого себя» (Карамзин)? Методом взаимоисключения обозначим альтернативы

– анахоретство: затворничество, отшельничество. Непредусмотренная вынужденная уединенность для творцов способствовала проживанию *annus mirabilis*, – такова чумная карантинная изоляция для Шекспира, Ньютона, Пушкина, получивших счастливый шанс судьбы сосредоточенной продуктивной самореализации.

Малочисленность группы лиц, живущих «тревогами» творчества (активируемого в ситуации личностного отрешения от исполнения банальных обязанностей на «злобу дня»), однако, обязывает квалифицировать сознательное зилотство по части ухода от общества протестной персональной капсулизацией, атомизацией, разрешающейся: а) психическим расстройством; б) склонностью к протестному поведению (ср.: художественная версификация обсуждаемого, предлагаемая Камю в романе-притче «Чума», где оба исхода фактически совмещаются);

– контактность: отвержение одиночества сстройкой в живое взаимовлияние, опосредуемое насыщенным понятием «столь мило существовать вместе» [22, с. 384].

Интрига заключается в том, что и данный исход не может быть признан предпочтительным по причине отсутствия объединяющего мотива коллективной судьбы: в ситуации современной пандемии фрагменты человечества, общности, индивиды выживают самостоятельно – без оглядки на мироощущение родовой идентичности.

Отмеченное обязывает дифференцировать два сюжетных пласта: характер субъективности современной эпохи (вполне позволительно истолковываемый не как «выверт» одиночек,

но как тотальная «болезнь» – в духе Гессе); характер общечеловеческой родовой судьбы, скорее всего, перекрывающей горизонты текущего времени.

В этом месте выскажемся о первом.

Диатетика «контактность–анахоретство», невзирая на дихотомичность онтологической разбивки, позволяет уловить общее в продуктах гиперонимических рассечений; им оказываются: измельчание субъективности во всех регистрах человеческой самореализации:

- в политике: кризис лидерства;
- в искусстве: кризис самовыразительности;
- в жизни: кризис подлинности;
- в поведении: кризис естественности,

дополняемые свертыванием человеческих контактов, ростом закрытости, распадом антропо-емкости традиционных поведенческих самоудостоверительных ландшафтов.

С философской точки зрения правомерно фиксировать упрочение своеобразного постгуманизма с атрибутивной ему специфической постгуманитарностью.

Не должна вводить в заблуждение необычность формулировки: ядро современного миро-чувствия – подавление человечности на фоне рокового несоответствия выпренности помыслов прозаизму тщаний.

Дабы не получать картины, нарисованные воображением, обопремся на *facta concludentia*, релевантные базовым отсекам современного жизневоспроизводственного расчеловечения.

Политика. Полноценные данные позволяют усмотреть в наличной политической жизни проявление антагонистичной тенденции: в наши «дни лукавы» [7] имеет место децентрализация наряду с централизацией власти. Существо экзотического оксюморона осмысливается ранжированием разнонаправленных, разномастных процессов: восстание масс укрощается восстанием элит с выпуском монополия: массовое общество, поставленное под элитарный контроль.

Классический (идуший от Гегеля) этатизм напрочь вытравливает человечность. Неонеклассический этатизм современного типа представляет изощренный вариант транзитологии – озабочивающейся оседланием демократических перипетий массовой «роевой» жизни направленным надзорным элитарным вмешательством.

Пояснение тезиса ограничивается апелляцией к характеру нынешней мобильной эпохи, где

- социальная активность масс становится неинституциональной;
- автономизируются, интенсифицируются тонкие влияния «кухонной» сетевой политики;
- рядовые граждане, «просточеловеки», обретают полномочия прямого заявления, распространения своих решений; ничтожные источники мягкой силы оказываются мощными индукторами корпоративных политических полей;
- выбор частных лиц обретает значимость, чреват консолидирующими последствиями в обход государственной машины.

Ответ власти на трансформированные реалии – усиление тоталитарного диктата, административного нажима, институциональных репрессий, законодательного давления, ограничения прав человека: изоляция, локдауны, навязчивый мониторинг, коррекция поведенческого рисунка, блокировка социальных сетей, контроль антропопотоков, использование QR-кодов, несанкционированная обработка персональных данных, атака на *privacy*.

В прошлом отрабатывались макеты «концов» – выполнялись «концы» идеологии (Белл); утопии (Маркузе); века (Микар, Жювено); в настоящем отрабатывается макет конца массового политического общества, где свертываются гражданские ассоциации, перестают быть народными партии, истончается демократия как рычаг инициативной самодеятельной организации населения снизу; намечается едва не обвал местного самоуправления; и напротив – усиливается бюрократичность, номенклатурность, функционерность правления, подтачивается равное социальное партнерство, увядает база общественного сотрудничества, становится правилом принимать решения, продавливаемые узким олигархическим авторитетом.

Государство, управление, власть перестают быть орудием оформления народной воли; все в большей степени приобретают одиозный облик средства отстаивания узких групповых интересов.

Современный политизм, спутывающий рамсы, востребует санации в части обеспечения

- не партийного (партийная организация себя изживает), не корпоративно-непотистского (а то и узурпаторского: президент Чада «переизбран» на 6 (!) срок и... убит), а прямого заявления и проведения электоральных позиций;
- открытого доступа к благам, статусам, функциям, равного партнерства, – с разрушением отталкивающей дистрибутивной, кастовой справедливости, ликвидацией системного неравенства;
- перераспределения богатства от капитала к труду с адресной поддержкой наиболее бедствующих уязвимых страт, имеющих ограниченный доступ к медпомощи, образованию, удаленной деятельности, – малого бизнеса, рабочих, молодежи, пенсионеров.

Политика, напоминая Ницше, «сводится к тому, чтобы сделать сносной жизнь возможно большему числу людей» [23, с. 430]. Решая дилемму «конкуренция – солидарность», власть обязана держаться королевского пути защиты «вольности и прав» (Пушкин), выстраивая социально ответственную организацию.

Искусство. Классическая художественность, как художественность прошлого века, жила полнокровной общественной жизнью, относилась к человечеству, человеку не как к пыли, но организму. О последнем – признания корифеев творчества, не исповедовавших кредо социального (тем более социалистического) реализма:

Брюсов: Нам кем-то Высшим подвиг дан

И властно спросит он ответа;

Платонов: без меня народ неполный.

Но если, как подчеркивал Мандельштам, «немногие (и в искусстве. – **В. И.**) для вечности живут», когорта их стремительно редет. Многосоставность, многозначительность внутреннего «Я» художника, призванного, «обходя моря и земли», глаголом жечь «сердца людей», утрачивается.

Используя ударное емкое слово, ситуация наших дней характеризуется употребленным Уайтхедом понятием «великий отказ», – великий отказ от достижений, завоеваний высокой культуры, взыскующей неординарных гордых «царей мира», – покровительствуемых музами творцов.

Придав забвению призыв Ремарка «вгрызаться в жизнь», следуя грязноторгашескому филистерскому принципу «сначала хлеб (и лучше – с маслом), человечность после», современная эстетическая сфера предстает противоестественным симбиозом разноречивых, но

паушально гуманитарно центробежных тенденций, минимально вместительный набор которых составляют:

– духовная растерянность и как следствие – непризывность. Искусство по человеческой стати своей – призывно.

... пора в поход,

Кто жив и дышит на земле! –

в XX в. приглашал Брехт. В поход – какой? Превозможения пошлости о-бывания, обмирщения высокого, идеального. «...идеалы неосуществимы в действительном мире», – напоминает Фихте, – но на основании идеалов «действительность должна быть оценена и модифицирована теми, кто чувствует в себе силу для этого» [33, с. 55]. Как практически-духовный отсек освоения мира искусство (равно философия) нацеливает на экзистенциальный рост, движение в направлении совершенного. Для выполнения призывной миссии искусство, однако, должно порвать с практикой (далеко не романтикой) цинизма – рыночным обслуживанием недалеких запросов массовых потребителей, востребующих не прозрения, но развлечения;

– акционизм. Утрачивается способность к творчеству; созидание подменяется римейком, геймерством с обвалом демонстрации креативных возможностей. Творческие заявления подменяет эпатаж – эпатаж безавторской бездарности. На фоне девальвации авторства процветает убогая вторичность с признаками расчетливой прагматичной хищности.

Ранее общественное самосознание обостряло гуманитарно капитальную сюжетику «иметь или быть»; теперь – пробавляется эфемерностями «иметь без уметь», вне поисковых усилий – «все иметь».

В качестве культурной универсалии утверждается выветривание души, подкрепляемое примитивом имитаторства. Свертывание человеческого капитала объясняет отсутствие оригинальности: ставят не произведения, а по мотивам произведений, – «Бешеные деньги» Островского превращаются в «Шальные деньги»; по той же сомнительной метаморфозе «На всякого мудреца довольно простоты», принимает вид «На всякого мудреца довольно простаты»;

– маскульт. Восстание масс и восстание элиты против восстания масс обслуживает маскульт. Ранее сия нетребовательная затея пробавлялась выпуском куртуазных, авантюрных, рыцарских романов. Позже предприятие расширилось тиражированием приключенческих, детективных поделок. В предыдущем веке в России преуспевала мастерица штамповки мещанских романов Вербицкая; в текущем веке скороспелками для книжных лавок Никольского рынка (выражаясь фигурально) довольствуются донцовы, маринины, устиновы... Кудреватые митрейки, мудреватые кудрейки... несть им числа.

Черные дыры, мыльные пузыри на теле культуры вытравливают момент «возделывания», – творчество перестает быть инструментом гуманитарного зодчества (образно-критическую квалификацию происходящего по дальновидной экстраполяции предлагал прозорливый Чапек...) [36]. «Я был создан, чтобы стать садовником» [28, с. 176], – высказывал Экзюпери. Садовников-умельцев плодоношения оказывается минимум;

– экспериментаторство. Упражнения в «чистой форме», практикуемые в XX в. Каменским, Крученых, Шершеневичем, Хлебниковым, Маяковским, Северянином, обэриутами в России, Одиберти во Франции и т.п., нацелены на модельное расширение языковой выразительности. С этих позиций граничащее с безрассудством словотворчество (как театральное формотворчество Мейерхольда, Вахтангова, С. Третьякова, Брехта и др.) все-таки позволительно.

Элемент непутого абсурда (нонсенса) прослеживается в авангардной технике анархизма Аполлинера (новый лиризм); экспрессионизма (новый цветовой контраст); футуризма (нетрадиционный техницизм), абстракционизма (новая выразительность); конструктивизма (новая композиционность, функциональность); дадаизма (новая стохастичность); сюрреализма (новый психический автоматизм); концептуализма (новая художественная презентативность).

Следовательно, прослеживаются искания – поиск новых смысловых связей, расширение эстетических значений. Даже в, казалось бы, предельных ситуациях – самоощутительных пребываниях в абсурде как фундаментальной данности (Кафка, Камю). В итоге тот же Камю уповает на совестливое жизнелюбие как Ариадну нить, выводящую на простор осмысленного завершения человеческой истории (авторское прозревательное движение от неприятия жизни в «Мифе о Сизифе» к приятию ее в «Бунтующем человеке» через борьбу с несправедливостью абсурдистского удела существования [16, с. 126], – а значит, – экзистенциального преодоления абсурда.

Ничего похожего – в современности, подменяющей витиеватое экспериментаторство тривиальным имитаторством, вторичными компилятивными беспредметными выходками.

Искусство XX в. устремлено к новой форме; искусство XXI в. есть разрушение формы – бесформенность, форменная пустота, и с тем – ликвидация творца – индуктора формообразования. В силу сказанного понятно, почему художественность современности не имеет не то, что «великих», – никаких имен. Не присваивать же имена собственные искусникам прищипливать дюбелями к брусчатке Красной площади собственные гениталии, наполнять сосуды для мытья продуктами женской физиологии.

Искусство современности во многом – антиискусство, атрибутируемое чередой негативных свойств типа: смерть автора, отсутствие гуманитарного жеста, дрейф в «никуда», деятельность без «почвы и судьбы», утрата человеческого лица...

Новые социальные реалии, новые общественные условия, естественно, требуют новых выразительных, образно-художественных проработок. Но их (не как в прошлом, что составляло предмет профессиональных забот Арагона, Бехера, Толлера, Андерсена-Нексе, Горького и др.) попросту нет.

Время от времени подступает щемящее чувство истощенности проживаемого. Это – нормальное чувство – находит заинтересованную тематизацию в философской рефлексии, художественном осознании (творчество Голсуорси, Золя, Т. Манна), подводящих новую идеальную основу под извивы «беспастушьей» жизни (творчество Рида, Барбюса, Роллана, Фейхтвангера и др.). Но не в наше современное время, не получающее надлежащего идейного представительства ни в измышлениях философии, ни в вымыслах искусства. Что же... как завещал Фу-чжун, требуется соблюдать бдительность;

– коммерциализация. Породивший массовую культуру массового общества XX век исказил культурный процесс рядом девальвирующих тенденций; здесь – усредненность, примитивность, манипулятивность, развлекательность, ритуальность. Седлающий массовость элитарной опекой XXI век подчиняет «завоевания» предшественника жажде скорого накопительства: несуразное кредо «развлечения любой ценой» встраивается в еще более несуразное кредо «развлечения по цене рыночной». Оформляется самоцельная индустрия money making affairs от культуры с вытеснением базовой ее компетенции осуществлять культивацию человеческих душ.

Помрачение культурного разума прекращает его деятельность как «фабрики мысли» (Шоу), создает питательную почву выпуска вегетативного человеческого вещества, ведущего апатичный полурабский способ существования.

Жизнь. Запас хода судна современной жизни определяется блоком выбирающих свои битвы факторов. Первостепенно – это:

– невозможность рационально программировать жизнестроительство [10, 14, 15] ввиду обвала стратегии поступательного динамического прогресса, обеспечивающего непрерывный экономический рост, устойчивое развитие; неспособности разумной организации оперативно купировать вызовы: внешние – деградация ресурсной воспроизводственной базы, уничтожение популяции напастью пандемии; внутренние – обострение антагонизмов в контурах бедные-богатые, народ-элита, труд-капитал, Юг-Север, бедленд-гудленд, демократия-автократия, волеизъявление-управление и т.д. [8];

– денонсация генеральных завоеваний цивилизации в победе над пространством-временем. «Вклад» современности в «успех» в обозначенной битве в некоем *sensu lato* заключается в следующем.

Цивилизация обуздала пространство скоростью, мобильностью, предприимчивостью, инициативой; достижения ее вынужденно блокированы карантинной консервацией. Цивилизация стреножила время насыщенностью гуманитарных контактов; достижения ее и тут вынужденно отменены карантинной изоляцией. Консервация с изоляцией – гремучая смесь, разрушающая плотные ткани цивилизации.

Шелер комбинировал полезным концептом *Milieu* (среда), который А. Гурвич оригинально истолковал в терминах переживательно значимого (не вещно влияющего) мира – *Milieuwelt* [44]. Коронокризисная коррозия цивилизационных приобретений влечет утрату преимуществ покорения человечеством пространства и времени вследствие разложения коммуникативно богатого *Milieuwelt*, знаменующего антропное возвышение над предметной хроногеометрией;

– развал повседневности. Характерные постгуманистические экзистенциальные реалии утрируются невосполнимым расстройством обыденности – скромного величия будничной жизни, оплота судьбической уверенности и надежды.

По необходимости самореализующийся на узком капсулированном плацдарме сдавленного персонального объема Пруст находил себя в «творчестве» – выходе в продуктивно-образное существование. При неспособности среднестатистического агента массы заниматься стандартным отправлением привычных забот (социально-экзистенциальная функциональность-функционерность), находя при этом отдушину в творчестве – производстве человекоемкой симвононосной материи, – отмечается злокачественная самоутрата.

Распад человечности в ранге тривиальной разупорядочивающей аномии обнаруживался всегда (тунеядство, распутность, преступность, безразличие, эскапизм и т.д.); то, что не обнаруживалось в прежних картинах гиньоля, – разбаланс фундаментальных устоев жизнеподдерживающих процессов сферы *privacy* (о чем негативная статистика роста немотивированной бытовой агрессии, неврозов, более тяжелых психических расстройств), где, казалось бы, мы – полномочные вершители собственных судеб.

Худшая из войн – в своем доме. Кунштюк в том, что ведется она не кем-то, а нами; мы сами с собой сражаемся.

Мир консервации-изоляции – не постмодернистский мир Делеза, нашпигованный игрой стихий; он – неигровая реальность, используя образ Гейне, – *umbra vitae*. Хороша и гауптмановская, отдающая безысходностью фигура «перед заходом солнца». Жизнь наша брэнная в саморасстраиваемом о-бывании – перед концом света. В ярко выраженном переносном смысле.

Ад – это другие, – говорил Сартр. С автором драмы «За запертой дверью» позволим себе не согласиться. Принудительное затворничество разоблачает нашу собственную неполноценность; ад – это мы сами, каждый из нас, оставшийся один на один с необходимостью вершить достойную венца творения полноценную историю в зоне сермяжного жизнетока.

Рисунок поведения. Мелкие бесы Сологуба проникли в обмен деятельностью, ровной глади общественности придали фасеты сверх- и десоциализации.

В нашу замечательную эпоху противоречия не сходятся, а усиливаются, оттеняют друг друга.

Уровень «графии». Сверхсоциализация аттестует формирование неорангового общества с изощренными видами персонального отчуждения, стирания индивидуальности в подконтрольных роевых тоталитарных структурах с вытравленной идентичностью – китайский опыт выведения лояльной социальной общности с применением QR-кодов, всеохватной системы слежения-подчинения.

Примечательным нюансом оказывается, что сверхсоциализацию обслуживает десоциализация – атомизация, капсулизация личности с наступлением на ее гражданские права, свободы в карантинных мероприятиях. Забота о теле становится точкой опоры заботы о духе... Интересно девки пляшут.

Уровень «логии». Методологически доктрина использует диатетические приемы моделирования самореализации в терминах «часть-целое».

Шлейермахер упирал на двояко выраженную тенденцию: «стремление вернуться в целое и стремление к самостоятельной жизни» [38, с. 43]. Сходно Фрейд усматривал в бытии лица – самоцель, сцепленную (помимо воли) с устремлением пребывать в составе общества (что расценивалось им негативным фоном внутриспсихических причин неврозов) [34, с. 122].

Теоретически проблема снимается диалектической схемой трактовки отношений «человек-социум» в своеобразном кольматаже «человек-социален; социум-человечен». Практически она снимается внедрением чувствительных регламентов координации и субординации, вовлечения и участия, обеспечивающих полноценное сотрудничество на всех уровнях заявленности субъективности.

Текущий этап современности выводит на авансцену доселе невиданного персонажа – асоциальность, оказывающуюся дериватом как сверхсоциализации, так и десоциализации.

Асоциальность – нересипроктная человеческой природе и породе деструктивная линия персонального утверждения, связанная с рассогласованием межсубъективных связей. Речь не столько о физической автаркии, ограничении живых действий по взаимообработке людьми друг друга, сколько о возвращении к осмысливаемым еще Фроммом и Маркузе реалиям репрессивной культуры и субъекту ее – авторитарной личности.

Весьма точная аналитика черт человечности, пестуемых тоталитаризмом прошлого века, должна быть принята во внимание в продумывании черт человечности, пестуемых все более входящим во вкус тоталитаризмом века нынешнего.

Отдадим дань франкфуртцам в части точности, основательности фиксации и версификации таких гуманитарных параметров, как консервативность, агрессивность, конформизм, мизантропизм и т.п., имманентных определенному типу субъективности [40, 46] безотносительно временным рамкам: справедливое 60–70 лет – справедливо и сегодня. Дело и в лице, и в среде: одно влечет другое.

Приуроченные к разной этиологии, ландшафтной макросоциальности и в прошлой и текущей современности просматриваются процессы гомологические, как-то:

- бунт индивидуализма против репрессивного этатизма – главной угрозы *das Selbst*; с акцентом: обеспечение самости от персонального (XX в.) и институционального (XXI в.) подавления;
- бунт против маски. «...философский ум, хотя... и подходящий судья истинности, – излагал Коллинз, – уступает необходимости надевать маску» [17, с. 183]; с акцентом: недопущение социальной мимикрии (XX в.) – поддержание экзистенциального достоинства (XXI в.);
- бунт против стадности. Походить на других, «быть воплощенным обезьянничанием, одним из номеров, поглощенных стадом» [18, с. 310], – нет доли несчастней, выпадающей на человека. Акцент XX в. (Замятин, Оруэлл, Хаксли): борьба с «общностью, одинаковостью, застоєм»; акцент XXI в.: борьба с привитием страха смерти, обслуживающим деиндивидуализацию;
- бунт против самоутраты с акцентом: избавление от омассовления: человек массы – без примет и отличий (XX в.) (ср.: проинтегрированность общественности в Северной Корее); – избавление от цифрового гетто с присвоением рейтингов-баллов образцового гражданина (XXI в.);
- бунт против безмыслия: с акцентом – вольнодумие: «задумался – значит, контрреволюционер» (А. Жид) (XX в.); – гаджет-бездумие, интеллектуальная стерилизация (*homo digital*), подключение к платформам, телекоммуникационным сетям, чипам, процессорам, безрыночному программированию пользователей (XXI в.);
- бунт против разлада с миром – с акцентом: «делать и избегать делать»: путь в будущее, пускай, с гримасами социальной нови («интерьерами домов в процветающих колхозах», как ехидничал А. Жид), образно-художественной будетлянской заумью, трюкачеством (XX в.); – путь в никуда – с гримасами социальной апатии, имитаторства, эпатажа, геймерства (XXI в.);
- бунт против незаслуженных благ и бед истории – с акцентом: пороки общества (XX в.) – пороки *harry few* (XXI в.); раньше говорили «нечего терять, кроме цепей», теперь – «кроме властей». Etc.

Итак, ситуация высечена на камне: на тесном отрезке истории в ходе жизни утрачивается назначение жизни. Коллизия неприятная, но не исключительная. Великая французская революция не дала ясного итога, но была вехой. Равнообразно текущее переходное состояние не дает ясного итога, но является ли вехой? Не пускаясь в филиппики, правильно разобраться: восстановила ли распадающаяся связь между глубинами сущего и глубинами его человеческого освоения? Как и куда направляет свой ток жизнь современная?

Статья публикуется при финансовой поддержке издательства «Социально-гуманитарное знание» (решение №210577).

Литература

1. Бауман З. *Индивидуализированное общество*. М.: Логос, **2002**. 324 с.
2. Бубер М. *Два образа веры*. М.: АСТ, **1999**. 592 с.
3. Гартман Н. *К основоположению онтологии*. СПб.: Наука, **2003**. 640 с.
4. Гегель Г. В. Ф. *Философия духа*. М.: Мысль, **1977**. 471 с.
5. Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений*. Л.: Наука. Ленинградское отделение, **1985**. Т. 28. Ч. 1. 572 с.
6. Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений: В 30 тт.* Л.: Наука. Ленинградское отделение, **1973**. Т. 5. 407 с.
7. Еф. 5; 16.
8. Ильин В. В. *Метафилософия. Поэтика философии*. М.: Проспект, **2021**. 160 с.
9. Ильин В. В. *Мир Globo. Вариант России*. М.: КДУ, **2009**. 255 с.
10. Ильин В. В. *Теория познания. Критика инструментального разума. Speciosa miracula: тотальный мировейник*. М.: Проспект, **2020**. 158 с.
11. Ильин В. В. Философия и власть. Ч. I. Архитектура власти // *Российский гуманитарный журнал*. **2020**. Т. 9. №4. С. 211–223.
12. Ильин В. В. Философия и власть. Ч. II. Аппретура власти // *Российский гуманитарный журнал*. **2020**. Т. 9. №5. С. 277–296.
13. Ильин В. В. Философия кризиса: самосознание человечества в эпоху катастрофических перемен // *Российский гуманитарный журнал*. **2021**. Т. 10. №1. С. 3–17.
14. Ильин В. В. Философское сегодня. Ч. I. Splendida vitia // *Российский гуманитарный журнал*. **2020**. Т. 9. №2. С. 81–103.
15. Ильин В. В. Философское сегодня. Ч. II. Lux benigna // *Российский гуманитарный журнал*. **2020**. Т. 9. №3. С. 151–164.
16. Камю А. *Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство*. М.: Политиздат, **1990**. 415 с.
17. Коллинз А. Рассуждения о свободомыслии, вызванные возникновением и развитием секты, называемой свободомыслящие // *Английские материалисты XVIII в.* М.: Мысль, **1967**. Т. 2. 405 с.
18. Кьеркегор С. *Страх и трепет*. М.: Культурная революция, **2010**. 488 с.
19. Ленин В. И. *Полное собрание сочинений*. М.: Госполитиздат, **1962**. Т. 34. 584 с.
20. Ленин В. И. *Полное собрание сочинений*. М.: Госполитиздат, **1963**. Т. 41. 695 с.
21. Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. М.: Госполитиздат, **1970**. Т. 41. 604 с.
22. Муравьев М. Н. Дщицы для записывания // *Утренний свет*. **1778**. Ч. 2.
23. Ницше Ф. *Сочинения в 2-х тт.* М.: Мысль, **1990**. Т. 1. 832 с.
24. Ницше Ф. *Так говорил Заратустра*. М.: Издательская группы «Прогресс», **1994**. 512 с.
25. Ницше Ф. *Утренняя заря*. М.: Академический проект, **2008**. 333 с.
26. Сартр Ж.-П. *Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии*. М.: Республика, **2000**. 639 с.
27. Сартр Ж.-П. *Объяснения «Постороннего» // Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX в.* М.: Прогресс, **1986**.
28. Сент-Экзюпери А. *Военные записи*. М.: Прогресс, **1986**. 272 с.
29. Стенограмма речи Н. И. Бухарина 10.03.1925 в БЗ консерватории // *Печать и революция*. М., **1925**. Кн. 3.
30. Туровская М. *Герои «безгеройного» времени*. М.: Искусство, **1971**. 241 с.
31. Фейербах Л. *Избранные философские произведения*. Т. 2. М.: Госполитиздат, **1955**. 676 с.
32. Фихте И. Г. *Назначение человека*. СПб.: Д. Е. Жуковский, **1905**. 133 с.
33. Фихте И. Г. *О назначении ученого*. М.: Соцэкгиз, **1935**. 138 с.
34. Фрейд З. *Очерки по психологии сексуальности*. М.: Эксмо, **2020**. 224 с.
35. Фромм Э. *Иметь или быть*. М.: Прогресс, **1990**. 330 с.
36. Чапек К. Последний эпос, или Роман для прислуги // *Карел Чапек об искусстве*. Л., **1969**.
37. Чехов А. П. *Избранные сочинения в 2-х тт.* Т. 2. М.: Художественная литература, **1986**. 671 с.
38. Шлейермахер Ф. *Речи о религии к образованным людям, ее презирающим*. Монологи. М.: Рус. мысль, **1911**. 391 с.
39. Fichte J. G. *Beitrag zur Berichtigung der Urtheile des Publikums über die französische Revolution. Sämtliche Werke, Dritte Abteilung. Ekster Band*. Berlin, **1845**.
40. Fromm E. *Escape from freedom*. N. Y.: Avon books, **1969**. 333 p.

41. Fromm E. *The Crisis of Psychoanalysis*. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, **1970**. 192 p.
42. Fromm E. *The Revolution of Hope. Toward a humanized Technology*. N. Y.: Harper and Row, **1968**. 162 p.
43. Gehlen A. *Man in the age of Technology*. N. Y.: Columbia University Press, **1980**. 185 p.
44. Gurwitsch A. *Die Mitmenschlichen Begegnungen in Der Milieuwelt*. Berlin, **1977**. 86 p.
45. Habermas J. *Toward a Rational society: Student Protest, Science and Politics*. Boston: Beacon Press, **1970**. 132 p.
46. Marcuse H. *One-Dimensional Man*. Boston: Beacon, **1964**. 260 p.
47. Marcuse H. *Eros and civilization*. Boston: Beacon, **1974**. 277 p.
48. Scheler M. *Man's Place in Nature*. N. Y.: Noonday, **1969**.
49. Schwab K., Malleret T. *Covid-19: The Great Reset*. Jeneva, **2020**.
50. Tillich P. *Systematic Theology*. Vol. 3. Life and the Spirit. History and the kingdom of God. **1963**.

Поступила в редакцию 24.05.2021 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2021.3.1

The philosophy of the crisis: the new century is the beginning of an incomprehensible life

© V. V. Ilyin

*National Research Center "Kurchatov Institute"
1 Academician Kurchatov Square, 132182 Moscow, Russia.*

Email: vvilin@yandex.ru

The article continues a series of publications united by a common idea to clarify the nature of the era of crisis changes experienced by humanity. The nature of the modern "abnormality" is associated with the actualization of extremely destructive megatrends of current life, identified as mega-evolutionary phase failures caused by: 1) the constraint of the experience of daring in the new society of super risk; 2) the thinning of the sources of meaning – the destruction of life-forming values; 3) the loss of a solidary habitat – the disintegration of the consent of involvement and participation in the implementation of the ancestral vocation. With a pausal effect: the curtailment of human contacts, the growth of closeness, the strengthening of a specific posthumanism with posthumanity attributed to it.

Keywords: modernity, humanity, life, posthumanism.

Acknowledgements. The article is published under the financial support of "Sotsial'no-Gumanitarnoe Znanie" Publishing House (Decision No. 210577).

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Ilyin V. V. The philosophy of the crisis: the new century is the beginning of an incomprehensible life // *Liberal Arts in Russia*. 2021. Vol. 10. No. 3. Pp. 135–154.

References

1. Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo [Individualized society]*. Moscow: Logos, 2002.
2. Buber M. *Dva obraza very [Two types of faith]*. Moscow: AST, 1999.
3. Hartmann N. *K osnovopolozheniyu ontologii [On the grounding of ontology]*. Saint Petersburg: Nauka, 2003.
4. Hegel G. V. F. *Filosofiya dukha [Philosophy of spirit]*. Moscow: Mysl', 1977.
5. Dostoevskii F. M. *Polnoe sobranie sochinenii [Complete works]*. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1985. Vol. 28. Pt. 1.
6. Dostoevskii F. M. *Polnoe sobranie sochinenii: V 30 tt. [Complete works: in 30 volumes]*. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1973. Vol. 5.
7. Ef. 5; 16.
8. Il'in V. V. *Metafilosofiya. Poetika filosofii [Metaphilosophy. Poetics of philosophy]*. Moscow: Prospekt, 2021.
9. Il'in V. V. *Mir Globo. Variant Rossii [Globo world. Variant of Russia]*. Moscow: KDU, 2009.
10. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Kritika instrumental'nogo razuma. Speciosa miracula: total'nyi miroveinik [Theory of knowledge. Critique of instrumental reason. Speciosa miracula: total anthill]*. Moscow: Prospekt, 2020.
11. Il'in V. V. *Liberal Arts in Russia*. 2020. Vol. 9. No. 4. Pp. 211–223.
12. Il'in V. V. *Liberal Arts in Russia*. 2020. Vol. 9. No. 5. Pp. 277–296.
13. Il'in V. V. *Liberal Arts in Russia*. 2021. Vol. 10. No. 1. Pp. 3–17.
14. Il'in V. V. *Liberal Arts in Russia*. 2020. Vol. 9. No. 2. Pp. 81–103.

15. Il'in V. V. *Liberal Arts in Russia*. 2020. Vol. 9. No. 3. Pp. 151–164.
16. Camus A. *Buntuyushchii chelovek. Filosofiya. Politika. Iskusstvo [The rebel. Philosophy. Politics. Art]*. Moscow: Politizdat, 1990.
17. Collins A. *Angliiskie materialisty XVIII v.* Moscow: Mysl', 1967. Vol. 2.
18. Kierkegaard S. *Strakh i trepet [Fear and trembling]*. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya, 2010.
19. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii [Complete works]*. Moscow: Gospolitizdat, 1962. Vol. 34.
20. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii [Complete works]*. Moscow: Gospolitizdat, 1963. Vol. 41.
21. Marx K., Engels F. *Sochineniya [Works]*. Moscow: Gospolitizdat, 1970. Vol. 41.
22. Murav'ev M. N. *Utrennii svet*. 1778. Pt. 2.
23. Nietzsche F. *Sochineniya v 2-kh tt. [Works in 2 volumes]*. Moscow: Mysl', 1990. Vol. 1.
24. Nietzsche F. *Tak govoril Zaratustra [Thus spoke Zarathustra]*. Moscow: Izdatel'skaya gruppy «Progress», 1994.
25. Nietzsche F. *Utrennyaya zarya [The dawn of day]*. Moscow: Akademicheskii proekt, 2008.
26. Sartre J.-P. *Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskoi ontologii [Being and nothingness. An essay in phenomenological ontology]*. Moscow: Respublika, 2000.
27. Sartre J.-P. *Nazyvat' veshchi svoimi imenami. Programmnye vy-stupleniya masterov zapadnoevropeiskoi literatury XX v.* Moscow: Progress, 1986.
28. Saint-Exupéry A. *Voennye zapisi [Wartime writings]*. Moscow: Progress, 1986.
29. Stenogramma rechi N. I. Bukharina 10.03.1925 v B3 konservatorii. *Pechat' i revolyutsiya*. Moscow, 1925. Kn. 3.
30. Turovskaya M. *Geroi «besgeroinogo» vremeni [Heroes of the "heroless" time]*. Moscow: Iskusstvo, 1971.
31. Feuerbach L. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya [Selected philosophical works]*. Vol. 2. Moscow: Gospolitizdat, 1955.
32. Fichte J. G. *Naznachenie cheloveka [The vocation of man]*. Saint Petersburg: D. E. Zhukovskii, 1905.
33. Fichte J. G. *O naznachenii uchenogo [The vocation of the scholar]*. Moscow: Sotsekgiz, 1935.
34. Freud S. *Ocherki po psikhologii seksual'nosti [Essays on the Psychology of Sexuality]*. Moscow: Eksmo, 2020.
35. Fromm E. *Imet' ili byt' [To have or to be?]*. Moscow: Progress, 1990.
36. Chapek K. *Karel Chapek ob iskusstve*. Leningrad, 1969.
37. Chekhov A. P. *Izbrannye sochineniya v 2-kh tt. [Selected works in 2 volumes]*. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1986.
38. Schleiermacher F. *Rechi o religii k obrazovannym lyudyam, ee prezirayushchim [On Religion: Speeches to its cultured despisers]*. Monologi. Moscow: Rus. mysl', 1911.
39. Fichte J. G. *Beitrag zur Berichtigung der Urteile des Publikums über die französische Revolution. Sämtliche Werke, Dritte Abteilung. Ekster Band*. Berlin, 1845.
40. Fromm E. *Escape from freedom*. N. Y.: Avon books, 1969.
41. Fromm E. *The Crisis of Psychoanalysis*. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1970.
42. Fromm E. *The Revolution of Hope. Toward a humanized Technology*. N. Y.: Harper and Row, 1968.
43. Gehlen A. *Man in the age of Technology*. N. Y.: Columbia University Press, 1980.
44. Gurwitsch A. *Die Mitmenschlichen Begegnungen in Der Milieuwelt*. Berlin, 1977.
45. Habermas J. *Toward a Rational society: Student Protest, Science and Politics*. Boston: Beacon Press, 1970.
46. Marcuse H. *One-Dimensional Man*. Boston: Beacon, 1964.
47. Marcuse H. *Eros and civilization*. Boston: Beacon, 1974.
48. Scheler M. *Man's Place in Nature*. N. Y.: Noontday, 1969.
49. Schwab K., Malleret T. *Covid-19: The Great Reset*. Jeneva, 2020.
50. Tillich P. *Systematic Theology*. Vol. 3. Life and the Spirit. History and the kingdom of God. 1963.

Received 24.05.2021.